

Кистелевский

XXXI 7
K-44

XXXI 7
K-44

Дорогому Евгению Николаевичу Сергичеву

сердечный привѣтъ

отъ Т. Кистелевскаго.

K

ПРОВЕРЕНО

Въ защиту права.

(Интеллигенція и правосознаніе).

Всероссийский
БИБЛИОТЕКА
10168

7 95584 86M

Право не можетъ быть поставлено рядомъ съ такими духовными цѣнностями, какъ научная истина, нравственное совершенство, личная святость. Значеніе его болѣе относительно, его содержаніе создается отчасти измѣчивыми экономическими и социальными условіями. Относительность значенія права даетъ поводъ нѣкоторымъ теоретикамъ опредѣлять очень низко его цѣнность. Одни видятъ въ правѣ только этической минимумъ, другіе считаютъ неотъемлемымъ элементомъ его принужденіе, т.-е. насиліе. Если это такъ, то нѣтъ основанія упрекать нашу интеллигенцію въ игнорированіи права. Она стремилась къ болѣе высокимъ и безотносительнымъ идеаламъ и могла пренебречь на своемъ пути этою второстепенною цѣнностью.

Но духовная культура состоитъ не изъ однихъ цѣнныхъ содержаній. Значительную часть ея составляютъ цѣнные формальные свойства интеллектуальной и волевой дѣятельности. А изъ всѣхъ формальныхъ цѣнностей, право, какъ наиболѣе совершенно развитая и почти конкретно осязаемая форма, играетъ самую важную роль. Право въ гораздо большей степени дисциплинируетъ человѣка, чѣмъ логика и методологія или чѣмъ систематическія упражненія воли. Главное же, въ противоположность индивидуальному характеру этихъ послѣднихъ дисциплинирующихъ системъ право — по преимуществу социальная система и притомъ единственная социально дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правомъ; дисциплинированное общество и общество съ развитымъ правовымъ порядкомъ — тождественныя понятія.

1957 г.

Проверено 1966

Всероссийский Институт
БИБЛИОТЕКА
Книжническая служба

Всероссийская
научно-исследовательская библиотека
Светского

Съ этой точки зрѣнія и содержаніе права выступаетъ въ другомъ освѣщеніи. Главное и самое существенное содержаніе права составляетъ свобода. Правда, это свобода внѣшняя, относительная, обусловленная общественной средой. Но внутренняя, болѣе безотносительная, духовная свобода возможна только при существованіи свободы внѣшней, и послѣдняя есть самая лучшая школа для первой.

Если имѣть въ виду это всестороннее дисциплинирующее значеніе права и отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую роль оно сыграло въ духовномъ развитіи русской интеллигенціи, то получатся результаты крайне неутѣшительные. Русская интеллигенція состоитъ изъ людей, которые ни индивидуально, ни социальна не дисциплинированы. И это находится въ связи съ тѣмъ, что русская интеллигенція никогда не уважала права, никогда не видѣла въ немъ цѣнности; изъ всѣхъ культурныхъ цѣнностей право находилось у нея въ наибольшемъ загонѣ. При такихъ условіяхъ у нашей интеллигенціи не могло создаться и прочаго правосознанія, напротивъ, послѣднее стоитъ на крайне низкомъ уровнѣ развитія.

I.

Правосознаніе нашей интеллигенціи могло бы развиваться, въ связи съ разработкой правовыхъ идей въ литературѣ. Такая разработка была бы вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ нашей правовой сознательности. Напряженная дѣятельность сознанія, неустанная работа мысли въ какомъ-нибудь направленіи всегда получаютъ свое выраженіе въ литературѣ. Въ ней прежде всего мы должны искать свидѣтельство о томъ, каково наше правосознаніе. Но здѣсь мы наталкиваемся на поразительный фактъ: въ нашей „богатой“ литературѣ въ прошломъ нѣтъ ни одного трактата, ни одного этюда о правѣ, которые имѣли бы общественное значеніе. Ученыя юридическія изслѣдованія у насъ, конечно, были, но они всегда составляли достояніе только специалистовъ. Не они насъ интересуютъ, а литература, пріобрѣтшая общественное значеніе; въ ней же не было ничего такого, что способно было бы пробудить право-

сознаніе нашей интеллигенціи. Можно сказать, что въ идейномъ развитіи нашей интеллигенціи, поскольку оно отразилось въ литературѣ, не участвовала ни одна правовая идея. И теперь въ той совокупности идей, изъ которой слагается міровоззрѣніе нашей интеллигенціи, идея права не играетъ никакой роли. Литература является именно свидѣтельницей этого пробѣла въ нашемъ общественномъ сознаніи.

Какъ не похоже въ этомъ отношеніи наше развитіе на развитіе другихъ цивилизованныхъ народовъ! У англичанъ въ соотвѣтственную эпоху мы видимъ съ одной стороны трактаты Гоббса „О гражданинѣ“, о государствѣ — „Левіафанъ“ и Фильмера о „Патріархѣ“ съ другой — сочиненія Мильтона въ защиту свободы слова и печати, памфлеты Лильборна и правовыя идеи уравнителей — „левеллеровъ“. Самая бурная эпоха въ исторіи Англии породила и наиболѣе крайнія противоположности въ правовыхъ идеяхъ. Но эти идеи не уничтожили взаимно другъ друга, и въ свое время былъ созданъ сравнительно сносный компромиссъ, получившій свое литературное выраженіе въ этюдахъ Локка „О правительствѣ“.

У французовъ идейное содержаніе образованныхъ людей въ XVIII столѣтіи опредѣлялось далеко не одними естественнонаучными открытіями и натурфилософскими системами. Напротивъ, большая часть всей совокупности идей, господствовавшихъ въ умахъ французовъ этого вѣка просвѣщенія, несомнѣнно, была заимствована изъ „Духа законовъ“ Монтескье и „Общественнаго договора“ Руссо. Это были чисто правовыя идеи; даже идея общественнаго договора, которую въ серединѣ XIX столѣтія неправильно истолковали въ соціологическомъ смыслѣ опредѣленія генезиса общественной организаціи, была по преимуществу правовой идеей, устанавливавшей высшую норму для регулированія общественныхъ отношеній.

Въ нѣмецкомъ духовномъ развитіи правовыя идеи сыграли не меньшую роль. Здѣсь къ концу XVIII столѣтія создалась уже прочная вѣковая традиція благодаря Альтузію, Пуфендорфу, Томасію и Хр. Вольфу. Наконецъ, въ предконституціонную эпоху, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой наибольшаго расцвѣта нѣмецкой духовной культуры, право уже признава-

